

ОТЗЫВ

официального оппонента П. О. Рыкина

на диссертацию С. В. Мирзаевой

«Влияние языка оригинала на монголоязычные переводные литературные тексты (по материалам монгольского и ойратского переводов «Бхадрачарьи»)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 — языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)

Российская школа монголоведных лингвистических исследований, основоположниками которой выступали Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, С. А. Козин, Г. Д. Санжеев и другие выдающиеся ученые, всегда отличалась повышенным вниманием к изучению письменных памятников монгольских языков. Эти памятники дают важный материал для изучения фонологических и грамматических систем данных языков, а также их синтаксического строя, в разные периоды их исторического развития. Диссертация С. В. Мирзаевой продолжает лучшие традиции монгольской филологии и исторической лингвистики в России и являет собой хороший пример применения лингвистического анализа к исследованию такого интересного и малоизученного памятника монгольской письменности, как монгольская и ойратская версии «Бхадрачарьи» — одного из важнейших канонических текстов в тибето-монгольской буддийской литературе.

Актуальность и новизна темы диссертационного исследования неоспоримы, поскольку филологические и лингвистические аспекты изучения монгольских и ойратских переводов памятника ранее не становились предметом специального монографического исследования, что особенно бросается в глаза при сравнении с большим объемом литературы по санскритским, китайским, хотанским и тибетским версиям «Бхадрачарьи». В отечественном востоковедении до сих пор отсутствовали полные переводы монгольских и ойратских версий на русский язык, а характеристике их языковых особенностей посвящены лишь несколько небольших статей Г. Б. Корнеева (2014, 2015а, 2015б), указанных в библиографии к диссертации. Нужно подчеркнуть, что подробная характеристика лингвистических черт этих версий со специальным акцентом на влиянии языка тибетского оригинала на язык монгольского и ойратского переводов памятника диссертантом приводится впервые.

Рецензируемая диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых, в свою очередь, включает в себя несколько разделов, заключения, списка использованных источников и литературы и трех приложений, где приводятся транслитерации и комментированные переводы тибетского, монгольского и ойратского текстов «Бхадрачарьи». Исходя из заявленной цели исследования — описать влияние языка тибетского оригинала на язык перевода в монгольской и ойратской версиях «Бхадрачарьи» на графо-фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, диссертант ставит перед собой следующие задачи: установить круг письменных источников памятника; описать историю переводов и изучения «Бхадрачарьи», а также ее функционирование в тибето-монгольской буддийской традиции; провести анализ языка письменных версий данного памятника на монгольском и ойратском языках с привлечением тибетской версии; описать влияние языка оригинала на язык монголоязычных переводов памятника на уровне фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. В тексте диссертации каждая из перечисленных задач получает подробное и аргументированное решение.

Во введении (с. 5–15) обосновываются актуальность и степень научной разработанности темы, определяются цели и задачи работы, формулируются объект и предмет исследования, а также его теоретическая и методологическая база, характеризуются источниковая база исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут использоваться при изучении буддийской переводной литературы Тибета и монгольских народов, различных переводческих техник, использовавшихся монгольскими и ойратскими переводчиками, а также в лексикологических исследованиях письменного монгольского и письменного ойратского языков и работах по истории буддийской терминологии в тюркских и монгольских языках. Материалы исследования могут быть использованы для преподавания сопоставительной грамматики тибетского и монгольского языков, литератур Тибета и Монголии.

В первой главе диссертации (с. 16–84) приводятся подробные сведения о происхождении текста «Бхадрачарьи» и истории его функционирования в тибето-монгольской литературной традиции, вкратце рассматривается процесс формирования корпуса переводной буддийской литературы в Тибете и Монголии.

Диссертант дает подробную характеристику жанру пранидхан, или молитв-устремлений, приводит данные об основных различиях между направлениями буддизма и важнейших произведениях литературы Махаяны, а также рассматривает «Бхадрачарью» как часть более крупных религиозных сочинений и как самостоятельный литературный памятник. Данная глава вносит существенный вклад не только в текстологию тибето-монгольской буддийской литературы, но и в буддологию в целом, и отражает результаты кропотливой работы диссертанта с источниками и научными публикациями об этой группе памятников. Представленные в первой главе материалы могут служить образцом качественного текстологического описания лингвистических источников, на который имеет смысл равняться всем исследователям, работающим на стыке филологии и исторической лингвистики.

Основную композиционную часть диссертации образует обширная вторая глава (с. 85–181), в которой приводится анализ признаков влияния языка тибетского оригинала «Бхадрачарьи» на язык ее монгольской и ойратской версий. Глава состоит из трех разделов, в которых рассматриваются графо-фонетические изменения заимствованных слов, особенности заимствованной лексики и особенности морфологии и синтаксиса. Диссертант приходит к обоснованному выводу о том, что на уровне фонетики в монгольском и ойратском переводах памятника наблюдаются следующие изменения заимствованных слов: эпентеза, ассимиляция гласных, увуляризация согласных, синкопа/апокопа, переход $p \rightarrow b$, $t \rightarrow d$, метатеза, переход санскритских придыхательных согласных в непридыхательные. Если на уровнях фонетики и лексики прослеживается влияние как уйгурского (преобладает в монгольском переводе), так и тибетского (превалирует в ойратском тексте) языков, то на уровне грамматики можно говорить о влиянии только тибетского языка, которое носит преимущественно отрицательный характер, приводя к нарушениям грамматических норм монгольских языков в стремлении переводчиков максимально следовать строю тибетского предложения. Сделанные автором наблюдения представляются крайне интересными как с точки зрения истории техник перевода в тибето-монгольской литературной традиции, так и в плане изучения степени и характера влияния языка тибетских буддийских произведений на язык их средневековых монгольских переводов.

С. В. Мирзаева совершенно правильно отмечает важнейшую роль уйгурской письменной традиции на первом этапе адаптации произведений буддийского канона монголами, относящемся к XIII–XIV вв. Именно через уйгуров монголы позаимствовали ранний пласт буддийской терминологии, нашедший отражение практически во всех последующих переводах буддийской литературы, в том числе и в монгольской версии «Бхадрачарьи». В то же время в самом древнеуйгурском языке значительная часть буддийских религиозных терминов представляет собой заимствования из согдийского или тохарского языков, а также санскритизмы, также попавшие к древним уйгурам в основном через согдийское или тохарское посредство. Этот факт убедительно подтверждается автором с помощью многочисленных сравнительных таблиц, иллюстрирующих фонетические изменения санскритских слов в тохарском, согдийском, древнеуйгурском, монгольском и ойратском письменных языках. Правда, следует отметить, что источники, из которых берутся санскритские, тохарские, согдийские и древнеуйгурские формы, в работе не всегда эксплицитно указываются, в отличие от монгольских и ойратские примеров, взятых из соответствующих версий «Бхадрачарьи». Они раскрываются только в разделе «Особенности заимствованной лексики» на с. 118–132, где источником тохарских параллелей назван *A Dictionary of Tocharian B* Д. К. Адамса (1999), согдийские примеры процитированы по *Sogdian Dictionary* Б. Гариба (1995), при одном санскритском слове указан его источник — *Sanskrit-English Dictionary* М. Монье-Вильямса (1899), а древнеуйгурские формы приводятся со ссылкой на *Древнетюркский словарь* (1969). Во всех остальных случаях читатель остается в неведении относительно того, из каких конкретно публикаций (словарей или изданий памятников) взяты рассматриваемые в работе лексические единицы. Диссертанту следовало бы еще во введении охарактеризовать источники лексического материала своей работы и в основном тексте диссертации последовательно ссылаться на эти источники в сокращенной форме с указанием номеров страниц. Кстати говоря, следует заметить, что в плане охвата древнеуйгурской лексики *Древнетюркский словарь* сильно устарел, так как он не учитывает публикации важных древнеуйгурских текстов, таких как *Maitrisimit nom bitig* и переводы буддийских памятников из Турфанской коллекции, сделанные с 1970-х гг. до наших дней. Для более полного представления о буддийской терминологии древних уйгуров следует

обращаться к первоисточникам, преждем всего к их публикациям в знаменитой серии *Berliner Turfantexte*, содержащим не только издания памятников, но и алфавитные глоссарии их лексики с переводами на немецкий или английский языки.

Изложение материала в диссертации осуществляется строго логичным и последовательным образом, аргументация автора убедительна и не вызывает возражений. Производит приятное впечатление отсутствие в работе лишних, избыточных фрагментов текста и повторов. Диссертант старается последовательно придерживаться объективного и взвешенного подхода к выбранному им для анализа памятнику и наблюдаемым в нем языковым явлениям, старается учитывать все существующие точки зрения, изложенные в литературе. Высокой оценки заслуживают язык и стиль диссертации, которая практически лишена грамматических, орфографических, стилистических и пунктуационных ошибок.

Полагаю, что диссертация С. В. Мирзаевой получит достойную оценку среди специалистов по монгольскому и ойратскому письменным языкам, буддологии, монгольской филологии и сравнительно-историческому языкознанию. Вместе с тем, при чтении работы у меня возникли некоторые замечания преимущественно частного характера.

На с.87–88 диссертант пишет: «К рубежу XIII–XIV вв. в уйгурской письменной традиции получили оформление основные правила перевода, была сформирована буддийская терминология». На самом деле, формирование уйгурской переводческой традиции и складывание буддийской терминологии в древнеуйгурском языке относится к значительно более раннему периоду. Известно, что наиболее ранняя фаза уйгурских переводов буддийской литературы относится к концу X–началу XI в., когда были сделаны переводы таких значимых религиозных текстов, как *Suvarṇaprabhāsottama Sūtra*, *Daśakarmapathāvadānamālā*, *Saddharmapūṇḍarika Sūtra* и пр.¹ В этих переводах мы наблюдаем уже полностью сформированный литературный язык, отточенные правила и техники перевода и обширный пласт устоявшейся буддийской терминологии.

На с. 105–106, обсуждая соответствие др.-уйг. *bodistv* = монг. *bodhi satuva* ‘бодхисаттва’, С. В. Мирзаева рассматривает монгольскую форму как возникшую в

---

¹ *Elverskog J. Uyghur Buddhist Literature. Turnhout: Brepols, 1997. P. 10–11. (Silk Road Studies 1.)*

результате эпентезы, причину которой она характеризует следующим образом: «Поскольку превокальный *t* не может предшествовать согласному, между ним и звуком *s* вставляется гласный *a*». Здесь явно имеет место какая-то путаница: *t* в монгольской форме предшествует *v*, а не *s*, и между ним и *v* вставляется гласный *u*, а не *a*.

В своем развернутом комментарии к соответствию др.-уйг. *vyakrit* = монг. *vivanggirid* ~ *vivangkirid* 'вьякарана, предсказание' на с. 106 диссертант, в частности, пишет: «Между гласным *a* и согласным *g* вставлен носовой согласный *ng* (см. монг. *anggi*, в котором гласный *a* назализируется в позиции перед сочетанием *-gi*)». Появление велярного назального /ŋ/ в монгольской форме действительно выглядит нерегулярным², но «назализация гласного *a* в позиции перед сочетанием *-gi*» тут совершенно ни при чем: в монгольских языках такое фонетическое явление не фиксируется, а в монг. *anggi* 'класс, разряд, группа' велярный назальный является этимологически первичным.

На с. 107–108 С. В. Мирзаева рассматривает фонетическую субституцию санскритского велярного смычного /k/ монгольскими увулярными [q ɢ] в словах заднего ряда, названную М. Сёгайто³ «увуляризацией согласных». Однако в число примеров увуляризации она включает соответствие скт. *kśana* = уйг. *kšan* = монг. *gšan* 'миг, мгновение', которое на самом деле к этому классу примеров не относится: монг. *g* фонологически представляет собой глухой велярный неаспирированный согласный /k/, который по месту и способу образования не отличается от скт. и уйг. /k/.

На с. 111 в таблице, демонстрирующей метатезу звуков или слогов при заимствовании из санскрита в древнеуйгурский и монгольский языки, фигурирует соответствие скт. *dhyana* = уйг. *dyan* = монг. *diyan*. В действительности метатеза здесь не наблюдается: данное соответствие демонстрирует лишь регулярную субституцию санскритского /d^h/ уйгурским /d/ и монгольским /t/, обусловленную отсутствием звонких придыхательных согласных в тюркских и монгольских языках. Появление

² Ср. регулярную форму *viyagirid* в некоторых доклассических монгольских текстах. Об этой форме см.: *Kara G. Late Mediaeval Turkic Elements in Mongolian // De Dunhuang à Istanbul: Hommage à J.R. Hamilton / Prés. par L. Bazin, P. Zieme. Turnhout: Brepols, 2001. P. 118. (Silk Road Studies; 5.)* Форму с /ŋ/ М. Сёгайто справедливо относит к примерам эпентезы назального согласного перед гоморганными взрывными, встречающейся в древнеуйгурском и письменном монгольском языках. См. *Shōgaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1991. № 49. P. 41.*

³ *Shōgaito M. On Uighur elements... P. 40.*

протетического /i/ в монгольской форме связано с недопустимостью консонантного кластера */tj/ по нормам монгольской фонотактики.

В разделе диссертации, посвященном особенностям морфологии и синтаксиса монгольских переводов «Бхадрачарьи» обсуждается такое явление, как оформление подлежащего частицей *ber*, которое автор считает влиянием эргативного строя тибетского предложения, поскольку в тибетском языке агенс при финитном транзитивном глаголе оформляется орудным падежом (с. 136–139). Однако в «Тайной истории монголов» и прочих ранних памятниках монгольского языка, свободных от тибетского влияния, широко употребляется также топикальный маркер *ber*, формально совпадающий с одним из алломорфов инструментала, но этимологически не связанный с ним⁴. Функции этого топикального маркера в среднемонгольских и доклассических монгольских текстах подробно рассмотрены в статьях М. Н. Орловской и Л. М. Гореловой⁵. Вероятнее всего, и в «Бхадрачарье» показатель *ber* является именно топикальным маркером, а не калькированным с тибетского аффиксом инструментального падежа. Об этом свидетельствуют употребления этого показателя при других членах предложения: прямом дополнении (с. 143, 179), косвенном дополнении (с. 148, 150, 156, 164, 168, 180), обстоятельстве времени (с. 141), а также при нефинитном сказуемом в форме условного деепричастия на *-bAsU* (с. 180). Такие употребления невозможно объяснить каким-либо влиянием тибетской грамматики, но они хорошо объяснимы с точки зрения информационной структуры монгольских языков.

На с. 144 диссертант рассматривает падежный аффикс *+DUr+i* как «весьма специфическую форму, в которой сочетаются форманты дательного и

⁴ См. список употреблений этого показателя в «Тайной истории монголов» в работе *Курибаяси Хитоси* 栗林均, *Цюэцзинчжабу* 确精扎布. “Тэнтэ хиси” монгурого дзэн танго, гоби сакуин 「元朝秘史」モンゴル語全単語・語尾索引 = Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Сэндай 仙台市: Тōхоку Дайгаку Тōхоку Адзиа Кэнкю Сэнтā 東北大学東北アジア研究センター, 2001. С. 648. (Тōхоку Адзиа Кэнкю Сэнтā сōсэ 東北アジア研究センター叢書 = CNEAS Monograph Series; No. 4.)

⁵ *Горелова Л. М., Орловская М. Н.* Информационные структуры в среднемонгольском и классическом маньчжурском языках (типологический, этноисторический и ареальный аспекты) // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: ИВ РАН, 2010. С. 593–595; *Gorelova L. M., Orlovskaya M. N.* The Proximity Between the Middle Mongol and Classical Manchu Languages as Typologically, Ethnohistorically and Areally Motivated // Unknown Treasures of the Altaic World in Libraries, Archives and Museums: 53rd Annual Meeting of the Permanent International Altaic Conference, Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg, July 25-30, 2010 / Ed. by T. Pang, S.-C. Raschmann, G. Winkelhane. Berlin: Schwarz, 2013. P. 334–335. (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvolker; Bd. 13.)

винительного падежей». Однако этот показатель не относится к числу двойных падежных форм, но является архаичной формой датива-локатива, в которой $+i$ представляет собой посессивный суффикс, исторически восходящий либо к номинативу, либо к усеченной форме генитива древнего личного местоимения 3 л. ед. ч. $*i$, исчезнувшего уже к началу среднемонгольского периода. Датив-локатив на $+DUr+i \sim +DUr_i$ употребляется в языке доклассических монгольских памятников начиная с XIV в.⁶

В разделе «Категория времени» на с. 162–163 обсуждается темпорально-аспектуальная финитная форма на $-yU$, которую автор, ссылаясь на мнение Г. Ц. Цыбикова⁷, считает тибетской по происхождению. Ее употребление в монгольской и ойратской версиях памятника рассматривается «как единственный пример положительного влияния языка оригинала на язык монгольских переводов на материале текстов «Бхадрачарьи»» (с. 162). Однако такая трактовка этой формы вызывает серьезные возражения. Генерический презенс на $-yU$, в ряде работ неточно называемый второй описательной формой⁸, дедуктивным презенсом⁹ или просто дедуктивом¹⁰, принадлежит к протомонгольским финитным индикативным формам времени и аспекта и обозначает действие, которое представляется как вневременное, абстрактное и обобщенное. По своему происхождению он восходит к (до)протомонгольскому причастию настоящего времени на $*(y)i^{11}$ и, таким образом, совершенно не связан с влиянием тибетского языка. Генерический презенс широко используется в среднемонгольских и доклассических монгольских текстах¹², в частности, в языке «Тайной истории монголов»¹³ и монгольском переводе «Сяо цзин»

⁶ Об этом неклассическом форманте датива-локатива см.: Рыкин П. О. Нестандартные формы падежей в «Истории Алтан-хана» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 4 (30). С. 65–66.

⁷ «Вторая описательная форма монгольского языка (форма на $-yU$. — П. Р.), вовсе неупотребительная в разговорной речи, обязана своим происхождением тибетскому языку» (Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: В 2 т. 2-е изд., перераб. Новосибирск: Наука, 1991. Т. 2. С. 40.)

⁸ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университ. тип., 1849. С. 344–345.

⁹ Poppe N. Grammar of Written Mongolian. 3rd printing. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974. P. 92, § 349. (Porta Linguarum Orientalium: Neue Serie; Bd. 1.)

¹⁰ Janhunen J. Proto-Mongolic // The Mongolic Languages / Ed. by J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. P. 23–25. (Routledge Language Family Series; 5.)

¹¹ Ibid. P. 24.

¹² Rybatzki V. Middle Mongol // The Mongolic Languages / Ed. by J. Janhunen. London; New York: Routledge, 2003. P. 75–76. (Routledge Language Family Series; 5.)

¹³ Список употреблений см.: Курибаяси Хитоси, Цюэцзинчжабу. «Гэнтё хиси» монгоруго дзэн танго, гоби сакуин. С. 934.

начала XIV в., выполненном с китайского, а не с тибетского¹⁴. Современный грамматический анализ формы на *-yU* в среднемонгольском языке, преимущественно на материале «Тайной истории монголов», представлен в работах германского исследователя Б. Бросига¹⁵, к которым я и отсылаю диссертанта за дальнейшими подробностями.

На с. 171–174 диссертации приведен ряд примеров постпозиции определения к определяемому, которые, по справедливому мнению С. В. Мирзаевой, связаны с копированием тибетского порядка слов. Но в одном из этих примеров, помещенном на с. 173 под номером (3) (монг. *ede ele buyan-nuyud-iyar sayitur jorimu* ‘совершенным образом посвящаю эти добродетели’, ойр. *ene xamıq buyan-noγoud-yēn sayitur zorin irōmüi* ‘совершенным образом посвящаю все эти добродетели’), постпозиция определения к определяемому не наблюдается.

Несколько замечаний по транскрипции цитируемых в работе монгольских и ойратских форм. Монг. “*külgen*” ‘колесница’ (с. 19) следует транскрибировать как *kölgen*, монг. “*jalbariq-*” и ойр. “*zalbariq-*” ‘молиться’ (с. 95) — соответственно, как *jalbari-* и *zalbari-*, монг. “*olču*” ‘находить-CVB.IPFV’ (с. 179) — как *olju*.

В работе встречаются ссылки на публикации, отсутствующие в библиографии: Watanabe 1912 (с. 9), Пюрбеев 1987 (с. 13), Skilton 2000 (с. 35, примеч. 35), Успенский 2001 (с. 83), *Tibetan-English Dictionary...* 1993 (с. 131).

Перечисленными замечаниями по существу исчерпывается критическая часть нашего отзыва. Следует подчеркнуть, что эти замечания ни в коей мере не отрицают достоинств диссертации и не ставят под сомнение актуальность, новизну и достоверность изложенных в ней выводов и положений. Рецензируемая диссертация представляет собой не просто рядовую квалификационную работу, а глубокое, интересное и вдумчивое исследование, которое несет на себе отпечаток длительного и кропотливого аналитического труда.

¹⁴ Список употреблений см.: *Курибаяси Хитоси* 栗林均. Кокё — Монгоруго коякубон 孝経 — モンゴル語古訳本 — = Hsiao-ching — An Early Mongolian Version. Сэндай 仙台市: Тōхоку Дайгаку Тōхоку Адзиа Кэнкю Сэнтā 東北大学東北アジア研究センター, 2014. С. 170–171. (Тōхоку Адзиа Кэнкю Сэнтā хōкоку 東北大学東北アジア研究センター報告 = CNEAS Report; No. 12.)

¹⁵ *Brosig B.* (1) Aspect, tense and evidentiality in Middle Mongol // Урало-алтайские исследования. 2014. № 2 (13). С. 10–12; (2) Aspect, evidentiality and tense in Mongolian: From Middle Mongol to Khalkha and Khorchin. Stockholm: Department of linguistics, Stockholm University, 2014. P. 59–62.

Результаты диссертационного исследования изложены в монографии¹⁶, а также в 4 статьях, опубликованных в изданиях ВАК РФ, Web of Science и Scopus. Автореферат полностью отражает содержание диссертации.

Диссертация С. В. Мирзаевой в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук (п.п. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842), а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 — языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки).

18 января 2021 г.

Старший научный сотрудник
Отдела языков народов России
Института лингвистических исследований РАН
кандидат исторических наук

П. О. Рыкин

Контактные данные: 199053, Санкт-Петербург,
Тучков пер., д. 9, ИЛИ РАН
Тел. (812) 328 1611
E-mail: iliran@mail.ru

¹⁶ Мирзаева С. В. «Бхадрачарья» как памятник тибето-монгольской буддийской литературы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 415 с.